

Пульс области

Михаил ТИЩЕНКО

ВОСПОМИНАНИЯ*

Глава 1 ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Я родился 16 ноября 1948 года в селе Яркуль Усть-Таркского района (тогда Татарского) Новосибирской области.

Первое, что запомнилось мне в начинающейся жизни, – это путешествие. Мне один год и 10 месяцев. В избе, где прямо на столе напротив окна сижу я, никого нет. Тишина. В оконное стекло, откуда падает яркий луч солнца, бьётся и жужжит муха. Наверное, этот луч только мне кажется ярким, потому что в избе царит полумрак.

На подоконнике стоят цветы в горшках, у нас в деревне их называли садушками. Одна из садушек ещё цветёт красными цветами, яркие шары мне очень нравятся. Дотянувшись, я начинаю срывать цветы и складывать на стол. Герань (а это была она) наполняет горницу терпким ароматом. И этот терпкий запах герани я до сих пор не спутаю ни с каким другим!

Скрипит, открываясь, входная дверь. На пороге – старик с ведром картофеля. Останавливается, всматривается несколько секунд, затем говорит негромко: «О! Это кто к нам пожаловал в гости?»

Подходит ближе, ставит ведро к печи. Видит сорванные цветы, но никакого недовольства на его изрезанном морщинами лице, лишь глаза лукаво щурятся. Дверь снова заскрипела, и в избу входит женщина, тоже с ведром картофеля в руке.

– Старуха, смотри, это кто к нам в гости пожаловал!

Бабушка, увидев меня на столе, насупившегося и готового заплакать, говорит укоризненно:

– Ну как ты, старик, узнать не можешь? Это же Володин Мишка, наш сосед. Да что ж это он натворил тут? Вся герань мне общипал...

– Да Бог с ней, с геранью. Вишь, дитю

нравятся цветы – видно, садовником будет.

Я вдруг громко разревелся. Бабушка подходит к столу, берёт меня на руки.

– Э, да он в одной рубашонке, и штанов-то на ём нет... Замёрз поди да исть, наверное, хочет. – Старушка начинает меня успокаивать, но я не унимаюсь.

– Давай-ка его мне, – говорит дед, – а сама носи что-нибудь, покормить надо парнишку.

Передав меня деду, бабушка, шустро покрутившись у русской печи, достаёт посудину, ставит на стол. Почувяв вкусный запах, я наконец-то успокаиваюсь. Ем с удовольствием. Накормив, дед заворачивает меня в свой пиджак и несёт к родителям. В детские ручонки он вложил сорванный мною букетик герани.

Так и передал меня в руки отца, который уже искал меня. Позже, будучи взрослым, я как-то спросил отца, кто были те старики, о которых у меня остались первые яркие воспоминания. Отец рассказал, что через дом от нас жил дед Михаль, а жену его по-деревенски звали Михалиха.

В тот год осень выдалась сухая и тёплая. Колхозный урожай убрали, и в день, когда я оказался в доме деда Михалья, все в деревне копали картошку на своих огородах. Копали и мои родители. Старшие мои сестры, Нина (ей было 11 лет) и Маша (8 лет), работали на огороде наравне со взрослыми. Сашка, пятилетний старший брат, приглядывал за мной. Я, вероятно, уснул, и Сашка убежал в огород, где было ему, конечно, интереснее. Я проснулся и, не увидев никого в избе, вышел сначала в ограду, а затем и за ворота. Улица была пустынная, я побрёл дальше в поисках родителей и, никем не замеченный, зашёл в избу деда Михалья, взобрался на стол... А далее вы уже всё знаете.

С тех пор я люблю путешествия.

Общезвестна истина: Россия богата талантливыми людьми. Ещё одно доказательство этому – воспоминания, оставленные бывшим учеником Угуйской средней школы Михаилом Тищенко, выпускником 1966 года. Сельская школа, удалённая от благ и достижений цивилизации, стала в 60-е годы очагом культуры не только в этом селе. Автор воспоминаний не был лучшим учеником да и впоследствии не связал свою жизнь с литературой, но уважение к творчеству воспитала в нём замечательная учительница – Фира Зиновьевна Шерман. В 2011 году в Угую собрались выпускники. Они решили создать книгу воспоминаний. В 2013 году книга «Почувствуй сердцем родину свою» была издана. К сожалению, Михаил умер в 2012-м, и его записи не вошли в неё. Но я уверена, предлагаемый вашему вниманию рассказ интересен не только с точки зрения реалий быта ушедшей эпохи – он искренен, правдив и обладает несомненными художественными достоинствами.

Э. Лякишева

ГЛАВА 2
МАМА

Моя мама, Татьяна Николаевна, работала в колхозе дояркой.

Трудилась целыми днями. Вставала в 5 часов утра. Едва успевала кое-что приготовить нам на завтрак и убегала на базу доить коров. Вернувшись с утренней дойки, бросалась, как заведённая, делать работу по дому: сначала кормить, поить, доить коров, да и другой домашний скот ждал с нетерпением её заботливых рук: куры, гуси, свиньи, овцы. А ещё надо было постирать, сготовить обед, вымыть полы... Каких только забот нет в сельском доме! Да ещё имея на руках шестерых детей!

Пока всё переделаешь – вновь пора на дойку. На свой обед времени, как всегда, не хватало. Перекусив на ходу, после трёх часов мама убегала на ферму, на вечернюю дойку.

В тяжёлые 50-е годы крестьяне трудились днём и ночью. В ту осень, когда я начал себя помнить, кроме основной работы, колхозные доярки, на минуту забежав домой, шли везть зерно на зерноток. Мать однажды взяла меня с собой. Запомнил я это, наверное, потому, что для меня здесь всё было абсолютно ново: и люди, работавшие на току, и механизмы, которых я раньше никогда не видел. Мама усадила меня, завернув в телогрейку, на ворох зерноотходов. Сама встала у веялки и в паре с какой-то женщиной стала засыпать плицами в веялку непровеянную рожь. Потом очищенное зерно ссыпали в мешки, уносили на склад. Отгребали полову от веялки и деревянными лопатами отбрасывали её в сторону вороха, на котором сидел я. Зерноотходы подо мной были тёплыми, вероятно, лежали тут давно и начинали уже «гореть», выделяя тепло и прельный запах.

Вокруг меня стоял шум от веялки, переговаривающихся женщин, стука лопат и плиц. Меня это нисколько не пугало, вероятно потому, что мама была рядом и я её хорошо видел.

Осенние сумерки быстро переросли в ночь. Пригревшись, я и не заметил, как уснул. Проснувшись от тишины. Женщины закончили работу и собирались расходиться. Мама, устало улыбаясь, взяла меня на руки и, плотнее завернув в телогрейку, понесла домой. Я спал у неё на руках. Не проснулся даже тогда, когда она укладывала меня на русскую печь.

Наступившая зима принесла мне ограничения в свободе. Летом, босой и без штанов, я мог выбежать из избы, потопать в огород, на улицу или играть во дворе. Теперь-то холод этого не позволял. Мне уже исполнилось два года, и сидеть целыми днями на печи или на лавке у окна было

скучно. Я постоянно приставал к родителям с просьбами одеть меня и пустить на улицу. Но одеть меня было не во что по той простой причине, что купить в сельпо одежду на меня не могли из-за отсутствия денег. Да и одежды малого размера не помню, чтобы завозили. Но наконец-то мама сама сшила для меня штаны и рубашку, смастерила пальтишко из старой телогрейки, связала варежки. А на голову придумала повязать платок. Но как ни уговаривала меня, я отказывался выходить на улицу в платке – это меня унижало: что я, девчонка, что ли? А тут ещё кто-то из соседских детей посмеялся, увидев меня в платке, назвал девчонкой. Совсем я расстроился.

Сшить шапку взялся отец. В эти дни одна из овец принесла мёртвого ягнёнка, такова уж деревенская действительность. Отец снял шкурку с ягнёнка, выделал её – и получилась каракулевая мерлушка. Вот из неё отец и пошил мне шапочку. Получилась она не ахти какая, но зато белая, вся в завитках, как из настоящего каракуля. Очень мне понравилась моя первая шапка. Хорошо помню, как, одевшись по-зимнему, нахлобучив на головёнку новую шапку, я вышел на улицу. Вероятно, хотел похвастаться новенькой шапкой. Вот только хвастаться было не перед кем. Старшие ребяташки играли в своей компании, я для них был неинтересен. Моих одногодков в деревне было всего несколько, а мальчишек и всего-то двое – я и мой двоюродный брат Витька Грязнов. Вот с ним да ещё с Толькой Кочубеевым, бывшим на год старше меня, мы водились, то есть играли в дошкольные годы. А первую мою шапку я носил недолго. Отец при раскroe не учёл, что я расту, и сшил точно по размеру моей головы. И на следующий год она мне была уже мала. Но шапка, помню, ещё долго висела на тынку в ограде – для чего, не знаю. Наверное, отпугивала ворон и сорок от огородных посевов.

Глава 3
ОТЕЦ

Наступило лето – и вновь для нас, детей, появились неограниченные возможности в передвижении. Сугробов нет, морозов нет – тёплой одежды и обуви не нужно: беги, куда вздумается. Родители весь световой день на работе в колхозе. Присмотр за мной поручен старшим сёстрам, Нине и Маше, но им не так-то просто было за братцем уследить – рос я шустрим, на одном месте долго усидеть не мог.

Вот однажды сёстры работали в огороде, пололи и окучивали картофель, а я бегал между грядками. Поживишь тут особо было нечем: морковь ещё не под-

росла, тонкие её хвостики были совсем невкусными. Горох дал стручки, но они ещё не налились. Всё остальное – лук, капуста, укроп – было для меня несъедобно и потому не интересовало. Скучно мне стало.

Я знал, что отец работает кузнецом в колхозной кузнице, не раз видел, как он уходил на работу через огород и дальше по лугу. Кузница стояла в метрах 500 от нашего огорода, на лугу, на берегу Мохового озера, и была хорошо мне видна, но я там ещё ни разу не был. Вот и решил сбежать посмотреть, как отец работает, разузнать, что за стук ежедневно доносится из кузницы, что куют и как.

Перелез через прясло (изгородь) и пошёл, не выбирая пути, но ориентируясь на кузницу. Дорога осталась справа, а, пройдя метров сто, я упёрся в кочкарник: высокие кочки, поросшие осокой. До кузницы ещё далеко, мне же казалось – рукой подать. Я постоял, размышляя, почему дальше нет дороги, почему люди не ходят через кочки, ведь так ближе... Решил идти прямо. Через несколько метров почувствовал под ногами сырость, потом грязь, а потом и вода оказалась. Кочки здесь ещё выше, трава гуще.

И вот стою между кочками по пояс в болотной жиже. Над головой трава смыкается. Раздумываю, идти дальше или вернуться. Наверное, я пошёл бы дальше, в глубь болота, – уж очень мне хотелось попасть в кузницу, и неизвестно, как бы закончилась эта история. Но, на моё счастье, на обед, обогнув болотце, шёл молодой парень, молотобоец Михаил Шуньков. Вероятно, боковым зрением он заметил над кочками мою торчащую голову, остановился метрах в десяти, стал рассматривать, что это там шевелится в кочкарнике. Я понял, что если он вытащит меня из болота, то передаст в руки сестёр, меня накажут, отшлёпают за самовольный побег. Решил я спрятаться за кочку, сделал несколько движений, и это ещё больше привлекло внимание моего спасителя. Подошёл он поближе, ну и увидел голову ребёнка, испугался, наверное, больше меня. Подбежал, поднял меня на руки. Спрашивает с испугом, как это я попал в болото. Конечно, я объяснил, что иду к отцу в кузницу. Показал он головой и со мной на руках, выйдя на тропинку, повернул назад. Отец, увидев меня да ещё на руках молотобойца, удивился, стал расспрашивать. Михаил рассказал, что я стоял между кочек и молчал, а если б прошёл чуть дальше, оказался бы в яме по шею и утонул – и никогда моё тело не нашли бы!

Отец, вздохнув, забрал меня из рук молотобойца, поставил на землю, спросил, зачем я пошёл в болото. Я стал сбивчиво говорить, что шёл к нему в кузницу, что не знал дороги и думал, что смогу перейти болото по прямой... Ещё долго по пути в избу

отец объяснял мне, как хитро болотная грязь засасывает и человека, и животных, как трудно из неё выбраться, а идти и во все невозможно, даже коровы и лошади не лезут в болото, боясь утонуть.

Дома отец сделал выговор сёстрам, оставившим брата без присмотра. Меня он не тронул, сестёр же, как водится, отшлёпали. Ну а они, конечно, на мне отыгрались: пару раз я получил-таки крапивой по голым ногам.

Глава 4 ИГРЫ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Мне три года. Это лето я провёл со своим двоюродным братом Витькой Грязновым. Он жил у деда Давыда, потому что его родители переехали работать в деревню Бахтай в пятнадцати километрах от нас. Тётя Нюра, его мать, работала продавцом в магазине. Кем работал Витькин отец, Михаил Михайлович, я не знал. Витька был единственным их ребёнком, они часто навещали сына, привозили что-нибудь вкусное или купленные игрушки.

Надо сказать, что в нашей семье были только самодельные игрушки, а конфеты мы, дети (да и взрослые тоже), видели только по великим праздникам. Ну а мне, поскольку я постоянно находился рядом с Витькой, иногда перепадала часть сладостей, привозимых тётёй Нюрой. С Витькой играл я и красивыми магазинными игрушками. Особенно запомнился мне игрушечный мотоциклист, разрисованный яркими красками: красный шлем, зелёный комбинезон, белый ремень, чёрные сапоги и шины, синий бензобак, жёлтые колёса. Всё это блестело лаком и даже отражало моё лицо, когда я близко подносил игрушку к глазам. Самое же главное в том, что игрушка была заводная. Ключиком из белого металла мы по очереди накручивали пружинку, опускали мотоциклиста на пол – и он, лихо руля, катил от меня к другу. Витька ловил его, разворачивал, и тот мчался ко мне. Механизм внутри игрушки жужжал, как настоящий мотор у настоящего мотоцикла. Всё это так нас восхищало, что мы могли часами играть с этой игрушкой. Одна загвоздка – баба Ганна хранила её высоко на комодке, выдавая её нам по очереди. Видя, что мы наигрались, забирала, вручая юлу или что-нибудь другое. Бабушка также не разрешала бросать игрушки, приучая нас к дисциплине и порядку.

Правда, летом это нас не слишком удручало, ведь мы могли играть на улице или во дворе. Двор деда Давыда весь зарос травой, мы называли её травой-муравой. Невысокая, шелковистая и густая, она позволяла нам кататься, ползать, играть, на-

пример в сенокос. Рвём траву, складываем в копны, смётываем в стога. Когда дед нас ругал за то, что оголяем землю, мы убежали в огород. А там трава ещё выше и гуще, и никто нас не контролировал. Начиналось соревнование, кто больше сметёт стогов. Я всегда рвал травы больше, чем Витька, но тот был хитрее, складывал стога поменьше размером, чем мои. Когда подводили итоги, у него стогов больше оказывалось. Начинался спор, я сравнивал стога, доказывал, кричал, а Витька не соглашался. Ссориться мы ссорились, но драк между нами не было никогда.

Наигравшись, уходили домой. Особого надзора за нами не было. Взрослые знали, что мы где-то играем – то у деда, то за огородами – и начинали искать нас только вечером. Да и днём к обеду меня никто не звал, за стол не усаживал и не просил съесть «за папу, за маму». Честно сказать, мы, дети тех лет, жили с постоянным чувством голода. Окончательно проголодавшись, я прибежал домой. Просил старших сестёр или маму, чтобы они дали мне что-нибудь поесть. Сёстры ворчали, но кормили, доставая из русской печи, что осталось, наливали молока, я пил вприкуску с хлебом и убежал на улицу.

Вечерами с пастбища пригоняли деревенское стадо. Впереди бойко шли овцы. Незвонкий шум от их копыт был похож на шорох. Коровы за овцами брели медленно, устав от зноя и надоедливых слепней. Навстречу стаду выходили женщины. Каждая корова знала свой двор и, подойдя к заранее распахнутым воротам, заходила на ограду. Вымя каждой было полно молоком, и они спешили отдать его хозяйкам и отдохнуть в прохладе ночи.

В отличие от них, телята и овцы не торопились на родной двор. Как правило, они проходили мимо своих ворот и, сбившись в небольшие табуны, оставались на улице либо заходили в какой-нибудь проулок и отдыхали там, пока хозяйка не находила их и не загоняла на свои подворья. А некоторые оставались на всю ночь и утром вновь шли со стадом на пастбище. В своём кругу им, вероятно, было веселее.

Для овец был огорожен специальный загон, куда загонял их деревенский пастух. Ночью овец никто не охранял. Но, насколько я помню, краж никогда не было. Утром пастух открывал загон, и овцы с громким блеянием выходили на улицу. Проголодавшись за ночь, они бегом спешили за огороды, на траву. И за ними уже тянулись телята и коровы.

В один из летних вечеров перед приходом стада мы с Витькой оказались на улице и, видя, как старшие ребята идут встречать своих коров, решили пойти за ними. Крайней на нашей улице была изба

Федосея Ильина. Из-за его огорода каждый вечер и приходило деревенское стадо. Федосей, человек прижимистый, себе на уме, был колхозным бригадиром. У него двое детей – Толька и Иван, старше меня на год. Мы иногда играли вместе, но в дом и даже на ограду не заходили: почему-то не жаловал нас Федосей. Ворота и забор у них были тесовые, из плотно пригнанных досок. В нашей бедной деревне это было редкостью и говорило о зажиточности хозяев. Чтобы в ограде не было коровьего помёта (лепёшек), Федосей за забором пригородил специальный загон. Подойдя к нему, мы с Витькой стали ждать своих коров. Вот Нина и Маша прошли с нашей чёрно-пёстрой коровой, а Витькина мама где-то задерживалась. Тут мы вдруг услышали громкий рёв, не похожий на мычание коровы. А рёва быка мы с Витькой ещё ни разу не слышали, потому и не испугались, не отошли от стада дальше.

А тем временем из-за угла Федосеева огорода появился огромный, как нам тогда показалось, не бык, а бычище! Остановившись и увидев нас, он начал передними копытами свирепо рыть землю. Сухая, измельчённая пыль летела в разные стороны – серое облако поднялось выше быка. Что делать? Подхватил я с земли какую-то хворостину, решив, что она поможет мне отбиться от быка, если тот пойдёт на нас. И он пошёл!

Крикнув Витьке: «Бежим!», я подскочил к пряслу Федосеева загона и полез вверх по жердям. Витька – вслед за мной, но влезть наверх не успел. Бык, сбив Витьку с ног, стал катать его рогами по земле, Витька дико кричал. Спасло его только то, что рога были длинные, и Витька попал между ними. Взобравшись на прясло, я, к счастью, не выпустил хворостину из рук. Сидя наверху, изо всех сил хлестал быка по шее и голове. Поднял тот голову, чтобы взглянуть, кто это его беспокоит. Я увидел большие, наполненные кровью и злобой глаза, и, не отдавая отчёта, инстинктивно хлестнул его по морде и попал – по глазам! От боли бык опешил, а я продолжал бить. Сколько это продолжалось – не помню, но Витька успел отползти и полез вверх.

Опустил бык голову и, не увидев жертвы, вновь поднял морду ко мне. Я вновь попал ему по глазам. От боли тот отступил на несколько шагов. Витька уже не кричал, а, словно захлебнувшись, издавал какие-то икающие звуки. Еле удерживаясь, я опустил руки и схватил друга за плечо. Тяну, кричу, чтобы он наверх ко мне лез. И всё это за какие-то десять – пятнадцать секунд!

Крики слышали бабы, бросились в нашу сторону, на ходу вооружаясь палками и громко крича, чтобы испугать разъярённого чудовища. Откуда-то появилась

вопившая изо всех сил тётя Нюра, Витькина мать. И бык нехотя отступил ещё на несколько шагов и пошёл к стаду. Подбежавшие женщины подхватили нас на руки и бросились в противоположную от быка сторону. И уже после того как опасность миновала, я испугался по-настоящему. Витька, кроме синяков и ушибов, никаких телесных повреждений не получил, однако от сильного испуга он долго не мог ничего сказать, а заговорив, стал сильно заикаться. Его долго лечили, несколько раз возили к знахарям. Со временем заикание сгладились, но окончательно так и не прошло. В его поведении и в образе мышления появились некоторые странности, и в деревне его считали слегка ненормальным. А я, переживший вместе с ним весь этот ужас, видевший, какой страх пережил мой друг, всегда вставал на его защиту, не давал в обиду. Витька навсегда остался для меня другом и братом.

Что касается быка, уже взрослым, я однажды из разговора с тётей Нюрой узнал, что бык был Федосеевским. Обычно крестьяне выращивают телят до полутора-двухгодичного возраста, после чего забивают на мясо либо сдают заготовителям. При этом в возрасте одного года их кастрируют, и тогда быки теряют агрессивность и на людей не бросаются. Этот же, наверняка, был выращен как бык-производитель.

ГЛАВА 5 «ХУЛИГАНИСТЫЙ МАЛЫЙ»

Мне пять лет. Однажды, играя на улице, я увидел, как к нашей избе подъехала бричка. Лошадь была поджарая, красивая, с гордо поднятой головой. Незнакомец, привязав её к изгороди, вошёл в калитку, а я остался любоваться упряжью, сверкающей жёлтыми блёстками. Такая в деревне была только у бригадира Никишки Дедкова да ещё у председателя колхоза. Председатели, надо сказать, у нас менялись часто, поэтому сказать, кто был председателем в том году, я не могу. Наверное, думал я, это кто-нибудь из соседнего Мартынова. Мартыновцы любили похвастаться своими лошадьми – какой-то другой, выездной породы. А в Яркуле лошади били рабочие – крупные, с отвислым брюхом, седловатой, провисшей спиной и широкой грудью.

Одним словом, подойдя к красавице, я стал внимательно её изучать. Лошадь вела себя беспокойно, перебирала ногами, резво поднимала и опускала голову, прядала ушами. От резких движений узел развязался, вожжи упали на землю. Конь был свободен и, судя по его резвости, мог убежать без хозяина. Не раздумывая, я схватил вожжи. Рывок! Конь рванул вперёд,

набирая ход. Хорошо, что я успел вскочить в бричку-ходок и, упиравшись ногами в переднюю стенку коробка, обеими руками натянул вожжи. Преимущество в силе было явно за конём, он мчался по улице. А потом, свернув в проулок, выбежал на дорогу, ведущую в Мартыново, и пошёл крупной рысью. Как я ни пытался остановить его, ничего не получалось. Хотел спрыгнуть с ходка, но скорость уж очень большая – могу разбиться. Вот уж и Морозова роща... Ослабил я вожжи, и ход стал медленнее. Оглянулся, вижу: за мной бежит хозяин. Вероятно, он из окна увидел, что случилось. Тут впереди появилась телега. Увидев, что кто-то бежит за бричкой, мужик остановился, соскочил с телеги, стал посреди дороги, широко раскинув руки, а потом пошёл навстречу. Лошадь, увидев впереди препятствие, резко сбавила бег, перешла на шаг, и мужик ловко взял её под уздцы.

Подбежал запыхавшийся хозяин. Начались расспросы. Конечно, меня сразу стали упрекать в том, что я угнал лошадь. Моим объяснениям никто не поверил, и дома меня наказали. А после этого случая за мной стала закрепляться слава хулиганистого ребёнка, хотя никаких дурных помыслов в моей голове тогда не было и в помине. Рос я открытым, доверчивым и смыслёным, был высоким, физически крепким, быстро вырослел и часто выполнял работу, которую не выполнил бы нынешний десятилетний подросток. Кроме Витьки Грязнова, сверстников было мало – лишь тихоня Толька Кочубеев, рос он один у матери, без отца, в низкой избушке, как и многие в то время, очень бедно. В их избе маленькие окна выходили на север, давали мало света, потому в чисто прибранной горнице царил всегда полумрак. Самой интересной вещью для нас была «громкоговорящая тарелка», висевшая на стене над столом.

Вообще, в нашей деревне ни электричества, ни радиосети в то время не было. Ни о каких электроприборах мы и в помине не слышали. Поэтому радиоприёмник (громкоговоритель), привезённый из далёкого, почти мифического Омска, казался диковиной. Хозяйка какое-то время жила в городе, а когда родился Толька, вернулась в деревню и стала работать дояркой в колхозе. Кто был его отец, мы не знали и никогда не интересовались.

Помню, как, набегавшись за день, мы шли встречать матерей с вечерней дойки. Колхозных коров доили, как правило, за кузницей, на берегу Мохового озера, или за Морозовой рощей, на берегу озера Яркуль. Там коровы и оставались отдыхать на ночь, а доярки возвращались домой пешком. Мы старались приближать до окончания дойки, и тогда доярки поили нас парным молоком.

Всегда голодные пацаны пили это молоко с огромным удовольствием и, как я думаю, с неменьшей пользой. Иногда кто-нибудь из доярок делился с нами чёрным ржаным хлебом – вот тут уж можно сказать, что наедались досыта. Правда, доярки давали нам молоко тайком от бригадира – Федосей Ильин мог и скандал устроить. Замеченную «расхитительницу» вызывали в колхозную контору к председателю колхоза. Могли наказать штрафом. Хуже, если «преступлением» заинтересуется председатель сельского совета, тогда мог последовать суд. Не забывайте, что это были последние годы правления Сталина, годы жестокости и бесправия для в основном безграмотного крестьянства. Судить могли и за горсть пшеницы, принесённой с зернотока для голодных детей, и за кружку выпитого колхозного молока.

Уже взрослому мать рассказала мне о таком случае. В сентябре 1942 года она родила Машу. Через пять дней после родов вышла работать на сушилку – веять и сушить зерно. Шёл второй год войны. Старые запасы колхозники съели, наступал голод. Вот почему после работы женщины взбирались на кучу зерна, и оно попадало в голенища сапог. Дома разувались и ссыпали зерно в какую-нибудь посудину. Потом мололи на ручной мельнице, тут же замешивали кашню и ночью пекли хлеб. Хлебом, конечно, это назвать было трудно, так как отсеивать отруби не успевали, да и не пытались. Важно было количество, и хлеб пекли с отрубями, добавляя в тесто толчёную картошку. Таким был ХЛЕБ ВОЙНЫ.

Работать на сушилке было выгодно: каждый день можно было принести две-три горсти ржаного зерна. Маму отпустили с работы на час раньше, чтобы покормить ребёнка. Высыпав из сапог зерно в горшок, мать села у окна кормить Машу и видела, как с работы возвращались женщины. Зерноток был за околицей, метрах в ста от крайней избы, где жил дед Шатилов. И тут навстречу женщинам из ограды вдруг вышли два человека: председатель сельсовета и незнакомец в милицеевской форме. «Участковый!» – подумала мать. То, что произошло дальше, привело её в ужас. Председатель остановил женщин и заставил каждую разуться. Зерно из сапог высыпали в мешочек. Участковый что-то записал, положив лист бумаги на планшетку. Потом он повёл женщин к сельповскому магазину. Мать всё поняла. Испугавшись, что милиционер найдёт зерно и у неё, она схватила горшок и, выкопав в огороде ямку, высыпала всё туда и забросала землёй.

А отобранное у женщин зерно взвешивали в магазине. Больше всего оказалось у самой худой женщины, так как голенища сапог были для её худых ног слишком широ-

кими. Несмотря на то что у неё было двое детей, участковый арестовал её и увёз в тот же вечер в район. Остальных отстоял председатель, он почти на коленях умолял участкового не забирать их, а то работать в колхозе некому будет. А осуждённая так и сгинула где-то в лагерях, муж её погиб на фронте под Сталинградом, а детей (двух девочек) забрали родители мужа.

В послевоенное время подобные строгости продолжались вплоть до смерти Сталина. Но страх быть осуждённым «за колосок» по-прежнему присутствовал в деревне ещё долго. Нам, детям, боязнь наказания прививалась с раннего детства, и принцип «не твоё – не тронь» я выполняю и по сей день.

ГЛАВА 6 ПЕРВЫЙ КЛАСС

Мне пошёл седьмой год. Родился я в ноябре, поэтому в школу меня не записали. А Витьку записали. Вначале я не расстроился, но, поговорив со старшим братом, понял, что не буду учиться вместе с дружкой по играм, да и школу окончу позже... Стал приставать к отцу с просьбой отправить учиться, но он всё отмахивался.

Однажды мать увидела из окна, как мимо нашей избы проходит директор Григорий Васильевич Шеин. Увидел его и отец. Стукнул костяшками пальцев по оконной раме, махнул рукой: дескать, зайдите к нам. Григорий Васильевич был уроженцем Мартынова, отец хорошо знал и его родителей, поэтому мог позволить такую фамильярность. Зашёл он в избу, отец, усадив на лавку, вначале стал расспрашивать о здоровье, делах, житье-бытье. Мать тем временем достала из подпола пол-литра водки, собрала на стол. Выпили. Отец хотел налить по второй, но директор категорически отказался. Отец не настаивал: на дворе был ещё день, а пить среди бела дня в деревне было не принято. И тут, наконец, начался разговор про меня. Директор вначале возражал отцу, говоря, что его могут наказать за нарушение инструкции, но потом согласился принять меня в первый класс с испытательным сроком. Буду хорошо учиться – оставят. Весь разговор я слушал, лёжа на полатах и боясь пошевелиться, чтобы не помешать уговорам. Слез оттуда лишь тогда, когда директор ушёл. Мать объявила, что мне надо начинать готовиться к школе. Как готовиться, я и понятия не имел, а она объяснять не стала, так как ей, как всегда, было некогда, и, быстро убрав со стола, она убежала на работу.

Готовиться к школе, как я увидел позже, пришлось не мне, а родителям. Купить в сельповском магазине школьную одежду

было невозможно. Поэтому пришлось матери самой шить мне брюки и рубашку. Швейной машинки у неё не было. Ткань купила в сельпо и, взяв меня за руку, повела к тётке Шуре, моей крёстной. Её дочь Верка тоже шла в первый класс. А я из нашей семьи был четвёртым учеником: Нина училась в Уге в девятом, Маша – в шестом, брат Сашка – в четвёртом, и всех надо было одеть, обуть, купить учебники, тетради, ручки, карандаши, а в магазин завозилось этого мало, и всем не хватало. Крёстная жила ближе к сельпо и обещала помочь в покупках. Обмерив меня сантиметром и записав всё в тетрадку, она наказала матери принести пуговицы. Прощаясь, тётка Шура поцеловала меня в щёку и вложила в ладонь пряник. Даже такие сласти казались нам роскошью. Покупали их раз в год, на Новый год. Я безмерно обрадовался гостинцу, потому, наверное, и запомнил подробности этого дня.

Дома мама порылась в своих запасах, нашла старые пуговицы, разные по цвету и по размерам. Идти за сшитой одеждой мне пришлось самому: матери, как всегда, было некогда. Крёстная сама передела меня, натянула брюки, хотя, скорее всего, это были просто штаны – без ремня, с ляжкой через плечо, застёгивающейся спереди. Из остатков ткани она ещё сшила мне школьную сумку для учебников. Лямку сумки я перекидывал через голову: получалось почти как у Чапаева из известного фильма.

После примерки я вновь переоделся и радостно побежал домой. Вечером ещё раз перед родителями примерял новую школьную форму и тут обнаружил карманы в штанах – это были первые в моей жизни карманы, и я мог класть в них что угодно. Засунув руку в карман до самой глубины, я вдруг обнаружил какие-то предметы. Что это? Вытаскиваю руку – на ладони пряник и несколько конфет. Крёстная – спасибо ей! – и в этот раз постаралась сделать мне что-нибудь приятное. Конечно, я поделился сладостями с братьями. Кольке в то время было два года, и он, впрочем как и я, ещё никогда не ел их досыта.

Отец мне купил и принёс новые ботинки – из жёсткой кожи, со шнурками да к тому же ещё с блестящими заклёпками, на толстой рифлёной подошве. Счастливей меня в тот момент не было на свете ребёнка! С учебниками помогли сёстры. В добавление к новому «Букварю» они выменяли для меня «Родную речь» и «Арифметику» на свои старые учебники. А вот с тетрадками обнаружилась проблема – их не было. Я сильно переживал. Лишь перед самым первым сентября мне их где-то достали, и всё обошлось.

И вот наступило первое сентября 1955 года. Это состоялся родители ведут в школу

своё чадо с букетами цветов, с умилением глядя на него. А мои родители были на работе. Меня и Витьку Грязнова повела в первый класс наша бабушка Ганна. Из своих 18 рождённых детей она никого не водила в школу, а вот сейчас, взяв меня и Витьку за руки, чисто одетая, шла по улице деревни. С одной стороны шёл Витька в купленном школьном костюмчике, форменной фуражке и блестящих лёгких ботинках, в руке – настоящий портфель. А я с другой стороны шёл с тряпичной сумкой через плечо. Витька вертелся и вырывал руку, а я шагал смиренно, думая со страхом, как там будет, в школе. Метров через сто я увидел, как мне показалось, огромную толпу около деревянной избы. Начиная с пятого класса у нас, в Яркуле, учились школьники из Мартынова, Дурновки, Воробьёв и даже из Коршуновки. Витька вырвался и побежал искать знакомых, а я стоял около бабушки. Правда, узнал в толпе детей Тольку Комарова, Ваньку Ильина – уже второклассников. А вот и старший брат Сашка в кругу одноклассников о чём-то разговаривает с ними...

Был сентябрьский погожий солнечный день. И замирало сердце в предчувствии, что теперь всё должно поменяться в моей жизни, закончились беззаботные деньки. Кто-то из учителей скомандовал всем зайти в школу. Торжественная линейка была в коридоре. Всё казалось мне тут большим, хотя сейчас я понимаю, что на самом деле школа была маленькая и тесная. Отпустив руку бабушки, я шёл в шумящей толпе детей несмело, боясь быть сбитым с ног. Не зная, куда встать, иду вдоль коридора. Увидел брата и встал рядом с ним. Из учительской вышли директор и учителя. Шум быстро затих. Директор заметил меня среди четвероклассников и спросил:

– Это что за новый ученик в четвёртом классе?

Грянул смех. А ко мне подошла учительница первого класса, взяла меня за руку и подвела к строю первоклашек. О чём говорил в тот день директор, я совершенно не запомнил. После линейки нас развели по классам. Учительницей первого и третьего классов была моя вторая крёстная – Александра Евдокимовна, но она у нас бывала редко, и я её стеснялся. Её муж, дядя Петя, был трактористом, по тем временам уважаемым в селе человеком. Детей у них не было, и он относился ко мне как к своему ребёнку, любил меня. А Александра Евдокимовна казалась мне очень строгой. В классе она рассадил нас по партам: в левый ряд – первоклассников, в правый ряд сели те, кто учились в третьем.

Мы с Витькой вначале сели вместе, но учительница рассадил нас с девочками. Мальчишек было трое: я, Витька и Сашка

Кулумбаев из сибирских татар. Моей соседкой оказалась Нина Апрышкина – высокая крупная второгодница, бойкая и смелая.

Соседкой Витьки была Тая Дурнова из деревни Дурновки, где не было даже начальной школы, девочка хрупкая, мелкая, тихая. Мне даже жаль её стало почему-то. А всего в первом классе было девять учеников. Довоенные дети ещё не выросли, а поколение мужиков, выкошенное войной, насчитывало единицы, поэтому создавать новые семьи было некому. Страна только поднималась из руин, и поднять её пришлось именно довоенным детям. А вот сделать её вновь могучей предстояло нашему поколению, родившемуся уже после войны. Для этого надо было учиться – и много учиться. А начинали мы учиться голодными и раздетыми. Порой уже с первого класса жили вдали от родителей, без материнской заботы и ласки. Матери и отцы отдавали нам последнее, понимая, что образование позволит разорвать эти деревенские пути, вырваться из забитости и нищеты. Родители хотели нам счастья. Но пока были только хлопоты и зачастую огорчения.

Помню, мне всегда почему-то не хватало тетрадок. Как-то учительница сказала принести к следующему уроку чистую тетрадь. А её нет! Что делать? Тогда Маша предложила взять чистые листы из своих старых использованных тетрадей и сшить новую. Долго перебирали её запасы, нашли всего 10, а нужно 12. Чистой обложки тоже не было. Тогда мы эти листы скрепили скрепками в старой обложке. На уроке учительнице на глаза попала именно моя тетрадь, и она стала стыдить меня, упрекая в нерадивости и лени. Помню, мне стало до боли обидно, потому что вины моей, конечно, никакой не было – виновата во всём наша бедность. Со слезами в душе я выслушал упреки в свой адрес и на всю жизнь запомнил, что нельзя упрекать человека в бедности.

ГЛАВА 7 МОЛОКО

Домашние задания я делал быстро, после чего убежал на улицу.

Осень долго стояла сухая и тёплая. Удержать деревенских детей дома в такую погоду невозможно. Но однажды мама попросила меня отнести отцу обед на зерноток. Она копошилась то у русской печи, то у стола. Торопилась – и литровая стеклянная бутылка под молоко упала с лавки, ударилась о ведро и раскололась на мелкие части. Надо сказать, что эта бутылка была единственной в доме. Её берегли, в ней удобно было хранить молоко

на покосе или вот так, как сейчас, отнести для обеда. Охая и причитая, мать пыталась найти другую, но ничего не нашлось, и она налила молоко в алюминиевый бидончик. Предупредила меня, чтобы нёс осторожно и не пролил.

Схватив в одну руку узелок с нехитрой снедью (кусочек ржаного хлеба, отварной картофель, пучок лука, несколько огурцов, соль), а в другую – бидончик с молоком, я выбежал из избы. Но... не добежав метров 300, споткнулся и растянулся на дороге. Крышка слетела, и молоко вылилось в пыль. Осталось лишь немного на дне – не больше стакана. Я встал, отряхнул одежду и узелок с едой. Стою, думаю, что же делать. Возвращаться? Но молоко было последним, и мама не нальёт другого. Бежать к отцу с пустым бидончиком? Решил идти к отцу. Теперь я шёл медленно, обдумывая, что скажу, как оправдаться. Конечно, меня накажут. Отец меня никогда не порол, а вот мама могла отшлёпать.

Вот и зерноток. Отдаю отцу узелок с обедом. Напарником отца был Андрей Киль, репатриированный немец, говорит: «О, помощник растёт хороший!» Хотел я уже отойти и заняться изучением грохочущих веялок, крутящихся валов и барабанов, но отец, заглянув в бидон, спросил: «Скажи-ка, помощник, это мать налила столько молока?» Я машинально кивнул головой, подтверждая его предположение. Отец с сомнением покачал головой. Андрей, тоже заглянув в бидон, рассмеялся. Они не стали уличать меня во лжи. Постоял я молча с опущенной головой и отошёл в сторонку. Мне было стыдно. А мужчины после обеда завернули по самокрутке и сели курить. Отец вернул мне бидончик и узелок, сказав: «Беги домой!»

Вижу я, узелок не уменьшился в объёме, наверное, отец и не съел ничего. Бегу домой, думаю: всё расскажу матери, а там будь что будет...

ГЛАВА 8 ПЕРВАЯ ЗАРПЛАТА

И вот снова лето. Окончен первый класс. Целых три месяца можно беззаботно играть. Но провести его так легко, как хотелось бы, у меня не получилось.

Старший брат Сашка уже работал на покосе, возил копны. Меня на покос родители ещё не отпустили по возрасту. В сенокосную пору жить приходилось в поле, в балаганах. В деревню привозили только по субботам, в баню, либо в случае проливных дождей.

Но тут Лёша, мой дядя, работавший в сельпо, завёл разговор с отцом, что надо накопить сена и для сельповских лошадей.

Дополнительных копновозов взять неоткуда, а я рос высоким и сильным. Одним словом, дядя Лёша уговорил отца и заверил его, что я буду у него под постоянным присмотром. Мой дружок Толька Кочубеев поедет тоже. Спросили меня – я, конечно, согласился.

Для селыпо косили сено на Диком поле, это километров десять от деревни. Привезли нас на место на телегах. Там стояли балаганы (шалаша), конные сенокоски и грабли, изготовлена коновязь и загон для лошадей. Косари уже неделю косили, сгребали и копнили сено. Стан стоял среди редких, высоких старых берёз, продувался ветром, поэтому слепней, оводов и комаров здесь немного. Я заметил, что взрослых было мало: дядя Лёша, Валет – парень лет семнадцати, немец из Поволжья Николай Паульс, сосланный латыш Пётр Цауцис лет сорока – высокий, сильный, но немного ленивый.

Днём копнить сено приезжали две-три женщины, но к вечеру они уезжали домой. Нам с Толькой дали старых спокойных лошадей. Взобраться на них самостоятельно мы ещё не могли, нас подсаживали взрослые, поэтому слезать с лошадей мы старались пореже. Позже я приспособился взбираться с пня, торчащего рядом с балаганом. Никаких седел не было. Мы ездили, положив на спину лошади телогрейку. Работали с утра до вечера, не считая обеда. Стояла жара, но, чтобы не кусали комары, на нас надевали штаны, рубашки, пиджаки, на голову натягивали кепки, на ноги – кирзовые сапоги. Дядя Лёша всегда носил в кармане горсть конфет для нас с Толькой, ведь мы были дети, мне не исполнилось ещё и восьми лет. Я конфет не просил, стеснялся, а вот Толька часто пользовался, заявляя о каких-нибудь неудобствах. Например, подходит к нему и говорит: «Ой, что-то меня лихотит! Мне бы что-нибудь сладенького!» И в ответ получал конфету. Много лет спустя дядя Лёша вспоминал эту фразу и смеялся над Толькиной детской хитростью.

Кормили нас, честно сказать, до отвала и за казённый счёт: хлеб, мясо, молоко, картофель привозили из деревни. Молоко хранили в вырытом погребе. Варили на костре щи с мясом, кипятили чай. Я дома так вкусно и сытно не едал. Вернулись домой дней через двадцать и продолжали свои игры и забавы. Целыми днями купались на Моховом озере, ходили собирать клубнику за мельницу. Самой мельницы уже не было, но остался огромный деревянный вал с деревянной же зубчатой шестернёй, и лежали два каменных жернова.

Играли в войну и прятки. За зиму мы с Витькой насобирали костяных бабок и теперь резались в бабки. Научил нас этой

игре дед Давид. Можно сказать, мы были последними в нашей деревне игроками в эту забытую игру.

Лето заканчивалось, когда вдруг дядя Лёша сказал мне, что надо сходить в сельповскую контору и получить заработанную на покосе зарплату. Не ожидал я такой награды, ведь в то время и взрослые зачастую работали почти за бесплатно, не всегда получая деньги за работу. В колхозе начисляли им трудодни, а по окончании года подсчитывали колхозные доходы (прибыль) и делили на все трудодни. На один трудодень получалось примерно по семь-восемь копеек (это до 1961 года). За год взрослый колхозник мог заработать 2000—3500 трудодней. За год! А килограмм сахара стоил семь рублей!

Пришёл я в контору, встал посреди комнаты, не знаю, к кому обратиться. В одном углу за столом сидел Пётр Матвеевич Данилов, председатель селыпо. За другим столом – женщина, она и спросила меня, что мне надо. Стесняюсь, я промямлил, что пришёл за зарплатой. Женщина-бухгалтер спросила, где я её заработал, заставила назвать фамилию, имя, отчество. Я уже и не рад был, что пришёл. А она попросила подойти к столу и расписаться в ведомости, после чего выдала мне 54 рубля 60 копеек – первые заработанные мной деньги! Улыбаясь, женщина взяла меня за руку и повела к магазину, стоящему рядом. Что-то сказала продавщице. Та поинтересовалась, есть ли у меня карманы, и стала набивать их конфетами, да не дешёвыми, а дорогими, шоколадными. Впервые в жизни ощутил я в тот день вкус шоколада. Сказав женщинам спасибо, я пошёл домой. Я и побежал бы, да боялся, что из карманов конфеты посыплются.

Дома солидно подхожу к матери и вручаю первую свою зарплату, выкладывая на стол конфеты. Съесть их одному у меня и в мыслях не было. Сейчас я понимаю, что стоимость этого дара была больше всей моей зарплаты! А на заработанные деньги мать купила мне новые ботинки.

ГЛАВА 9 ТРОИЦА

Этот церковный праздник считается престольным, и, по церковным канонам, он должен праздноваться там, где есть церковь. А у нас церкви не было, значит, не было и престола.

Церковь стояла в Воробьях и была одна на всю округу. Чтобы как-то проводить богослужения в остальных, бесцерковных деревнях, церковные власти определили для каждой деревни свой престольный праздник. Для нашей деревни таким была назначена Святая Троица. К ней готовились

всем миром: мели дворы и прилегающую к избе улицу, убирали в домах, стряпали. Ограды украшали зелёными берёзовыми ветками. Полы в избе застилали свежими листьями и цветами. И мы, дети, в этом принимали самое активное участие и за берёзовыми ветками ходили в Морозову рощу. На дверных косяках при входе в дом над головой мелом рисовали крестики. Конечно, особых религиозных чувств мы не испытывали, нас больше прельщала праздничная обстановка и света, а главное – те сладости, которые готовились к празднику. В каждой избе нас угощали стряпнёй, пряниками и конфетами, так что в первую очередь это был праздник для нашего желудка. Умывшись утром и надев праздничную одежду, мы садились за стол. Мама ставила перед нами всё, что успевала приготовить. Но перед тем как начинать есть, она обращалась к иконам, стоящим на божнице, и молилась. Молитва была короткой и всегда заканчивалась словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа аминь!» Мы смиренно ждали, когда она закончит молитву и присоединится к нам за столом. Но надолго не задерживались, бежали на улицу, положив в карманы пряников и конфет, если они были на столе. А на улице сбивались в стайки по возрасту и интересам. Обсуждались планы, куда пойти, чем заняться.

Раньше, когда воробьёвская церковь была действующей, в деревню приезжал поп, останавливался он часто у моего деда Давыда. С утра начинался крестный ход – обычно с Морозовского края. Народ шёл с песнопениями вдоль улицы, во время остановок были богослужения, молитвы. По окончании священник приглашал на крестины, крестил новорождённых и отпускал грехи. Потом мужики расходились, шли группами к кому-нибудь в гости. А старики и старухи тоже группами рассаживались по завалинкам и начинались разговоры и воспоминания о былой жизни.

В мои детские годы поп уже не приезжал, но старожилы на завалинках ещё были. В тот год Троица пришлась на начало мая, но дни были тёплые, солнечные. Мы с Витькой играли во дворе деда Давыда. Помню, несколько старушек сидели на скамейке у палисадника и вели свои разговоры. Я иногда подходил и слушал, о чём они говорят. Они вспоминали год приезда семей из России и не могли прийти к общему мнению. Наконец, сошлись на дате – 1907 год, потому что на Японскую войну мужики уходили уже отсюда, из Сибири. Витька подбегал и оттаскивал меня, вовлекая вновь в игру. Вдруг слышу громкий гвалт старушек:

– Ой, да растудыт твою мать, нихай, деревню ведь спалят!

Выскочил я на улицу. Между нашей избой и усадьбой деда Ивана был сеновал, где зимой хранили сено, а летом его использовали под огуречную грядку и называли огуречником. За зиму скотина съедала сено, и с марта там содержались корова, овцы, телята, то есть это был временный денник. В мае домашний скот выпускали пастись за огороды, а денник, очистив от навоза, готовили под «огуречник». Навоз тут же укладывали в огуречную грядку и даже высаживали огуречную рассаду, укрывая на ночь.

Мы увидели, что из-за плетня вьётся дымок. Ветра не было, и дым поднимался вертикально вверх. Сначала я ничего не понял. Но старушки кричали: «Воды! Воды!» Я догадался: это пожар. Вместе с ними бросился в ограду, но успел заметить, как от денника убегают товарищи моего брата Васька Лисин и Сашка Шуньков, жившие рядом с нами. А сам брат стоял среди огорода, не зная, бежать ли ему, ведь за ним никто не гнался. На всякий случай он спрятался за колодезным журавлём. Тем временем старушки залили водой небольшой костёр. Конечно, он мог стать причиной пожара, хорошо, что его вовремя заметили.

Выбежали из избы отец и мать, ещё несколько раз полили водой место костра, так как навоз накапливался годами и, полуперепревший, лежал толстым слоем, сохраняя жар внутри, и мог воспламениться даже через несколько часов.

ГЛАВА 10 ШАЛОСТИ

Я уже говорил, что сладостей в то послевоенное время мы почти не пробовали, но детей всегда тянет к сладкому. В сельпо привозили конфеты и пряники, однако денег в семейных бюджетах на их приобретение не хватало, да, если честно сказать, практически денег тот, кто работал в колхозе, не видел, за редким исключением. Но товары можно было купить на пай, если вступить в СЕЛПО, то есть в сельское потребительское общество. Члены общества платили членские взносы. Стать членом общества мог любой, независимо от возраста. Вот мама и записала туда всех детей и получила возможность купить больше дефицитных товаров, которые продавались в строго ограниченном количестве.

Сахар тоже продавался на пай. Мама брала все членские книжки, шла в магазин, покупала, как правило, пять-шесть килограммов сахара на месяц и старалась бережно его расходовать. Мы с Сашкой доступа к сахару не имели. Мама прятала его на высокой полке почти под потолком около русской печи. Когда я подросток, стал

совершать тайные набеги на сахар. Помню, насыпал полстакана сахарного песка, заливал водой, размешивал и, черпая ложкой, ел с хлебом этот тягучий сироп. Заметила мама, что запас сахара убывает подозрительно быстро, стала прятать его в казёнку, то есть в кладовку, но и там я его находил. Как-то истопили в субботу баню. Дети вымылись, старшие ушли в клуб, в кино. Родители отправились в баню. Я остался один и решил поискать сахар в казёнке. Открыл дверь (она была на крючке), оглядываюсь. Решил, что мешочек с сахаром может быть на верхней полке над закромом, взобрался на закром, осмотрел: много там всего было, но сахара не увидел. Вздумал порыться в глубине полки, потянулся, упираясь ногой в брёвна стенки, подтянулся на руках. Но тут нога соскользнула с бревна, а внизу под ней стояла ржавая тупая литовка, которой отец обрабатывал мездру овечьих шкур. Нога скользнула по лезвию, и я почувствовал, как оно режет мою ступню – сначала кожу, хрящ, а затем скользит по кости. Боли вначале почему-то не было. Соскочив на пол, я увидел, как из пореза густой лентой плывёт кровь. Испугался, отчаянно кричу: «Мама!», бегу – вернее скачу – на одной ноге на улице к бане. Мама на мой дикий крик выскакивает из предбанника, видит кровавый след, бросается ко мне, несёт в избу, расспрашивая на бегу, что случилось. Я же заливаюсь криком и, естественно, ничего не могу рассказать. В избе, положив меня на кровать, она затынула ступню тряпкой, чтобы остановить кровь, металась в отчаянии по избе.

Вошёл отец. Тряпка набухла, кровь из раны продолжала струиться. Мама побежала за тётей Полей, умевшей заговаривать кровь. Та, развернув тряпку и наклонившись над раной, стала что-то шептать. Потом сказала маме бежать за репейником. Из листьев его выжала сок, залила им рану и завязала ступню чистой тряпицей. И вправду, кровотечение остановилось, но я сильно ослаб. Тем временем тётя Поля решила полечить меня ещё и от испуга. Побрызгала на меня водой с уголька, взятого из печи, и как-то незаметно я уснул.

На следующий день пришла деревенская фельдшерница Щипанова, она перевязала мне рану, и на этом всё участие медицины в моём излечении закончилось. Через несколько дней я с перевязанной ступнёй уже был с ребяташками. Владик, сын фельдшерницы, поймал меня на улице и привёл к матери в медпункт. Очистив ранку, она вновь перевязала её и велела сидеть дома. Но разве меня удержишь? Сейчас, вспоминая всё это, я удивляюсь, как в таких условиях не случилось заражения или воспаления и рана зажила. Наверное, всё-таки помогла тётя Поля,

спасибо ей, деревенской целительнице!

Дня через три я вновь был в ватаге ребяташек и ковылял, опираясь на пятку. Повязка вся в пыли и рана, естественно, тоже. За лето рана затянулась, хотя впоследствии на повреждённом суставе большого пальца выросла шишка, мешавшая мне носить нормальную обувь. Однако больше сахар я не воровал!

ГЛАВА 11 ДЕРЕВЕНСКИЕ БУДНИ

Стоял август. Старший брат и сёстры вновь работали на колхозном сенокосе, неделями жили в поле и домой приезжали лишь по субботам. В колхозе строили скотный двор (коровник), и отец плотничал. Мама по-прежнему работала дояркой. Они оба уходили рано утром и возвращались с заходом солнца. Без выходных. С личным хозяйством управлялись до восхода или после захода солнца. Помню, мама всегда ела на ходу, за стол почти никогда не садилась. Жуя кусочек хлеба, успевала ещё что-то делать около русской печи. Гремя чугунками, готовила еду не только нам, но и для свиней, для телёнка, или мыла посуду...

Когда приходил отец, она, вынув ухватом чугунок со щами, наливала в металлическую миску, ставила на стол, клала ложку, хлеб, а сама, как правило, тут же принималась за какую-нибудь работу. Отец в обед тоже торопился, и не раз случалось, что он, глотая первую ложку щей, обжигался (только из печи ведь!), бросал ложку на стол, матерился, приговаривая: «Мать твою нехай! Почему не сказала, что щи горячие?!» Конечно, потом успокаивался. А после еды успевал ещё что-то сделать во дворе по хозяйству. Вечерами тоже трудились для своего подворья и зачастую возвращались в избу смертельно уставшими

Сегодня за обедом отец сказал маме, что надо сметать сено в стог, а то пересохнет, или, что ещё хуже, пойдёт дождь. Они с матерью косили для себя сено урывками, после работы – другого времени никто не давал! Мама вечером заходила к отцу на стройку, я также туда прибегал, и мы шли косить сено для своего хозяйства.

Солнце уже клонилось к горизонту. Мама привела с собой колхозного быка по прозвищу Потап, как мне казалось, огромного, чёрно-белой масти, с большой головой и широкой спиной. На нём я буду возить копны. Меня подсаживают на спину быка. Идём в поле, что в двух километрах от деревни. Бык идёт медленно – минут 40. Мама тем временем вытаскила спрятанные в тальнике вилы и грабли, ведёт быка к первой копне. Я пока не понимаю, в чём же моя доля работы.

Мама обвела быка вокруг копны, и верёвка, тянувшаяся за ним, обвила копну. Свой конец верёвки мама привязала к шорке, надетой на шею быка, и ведёт его на несколько шагов вперёд. Верёвка вокруг копны натянулась, и мама объяснила мне, как надо ехать с копной: на неровности и кочки не наезжать, не останавливаться, иначе копна может развалиться. После этого мама поставила ногу на верёвку позади копны и закричала мне: «Трогай!» Прикрикнув на быка, я стукнул пятками по его бокам, дёрнул повод. Потап как бы нехотя тронулся с места и пошёл. Шёл он туда, где стоял отец.

Я с волнением думал, как же буду править быком, как объеду кочку, если она попадётся на пути. А вот и она!.. Тяну за правый повод, но бык, и не думая подчиняться моим детским рукам, идёт прямо и прямо. Тяну повод обеими руками, бью, не глядя на кочку, ногой по левому боку, а когда смотрю вперёд – о радость! – вижу, что бык благополучно обошёл злополучную кочку и продолжает идти в сторону отдалившегося отца.

Отец берёт быка под уздцы и подводит к другой копне так, чтобы обе оказались рядом. Остановив быка, отец дёрнул за конец верёвки, и, к моему удивлению, она сразу развязалась.

– Как это? – спросил, не удержавшись, я у отца.

– Это специальный калмыцкий узел, – объяснил он. – Чтобы сидящий на быке копновоз мог одним движением, не напрягаясь, сам развязать верёвку и освободиться от копны.

Не без помощи отца я развернул быка и поехал в сторону матери. Потап практически меня не слушался, но как бы нехотя выполнил всё, что от него требовалось. Попытка заставить его идти быстрее – он и не подумал этого сделать. Трогался с места и поворачивался он с великой неохотой, зато команду «Стоп!» выполнял моментально. Подвозка копен шла медленно ещё и потому, что каждая следующая копна стояла всё дальше от стога. Пока я передвигался на быке, отец привезённую мной копну забрасывал на стог. Он успел и вицы вырубить в соседней рожице, чтобы завершить готовый стог: четыре тальниковых ствола с ветками, которые укладывали на верх стога и связывали между собой для прочности, чтобы даже сильный ветер не мог сбросить верхнее сено со стога.

Начиная возить копны, я не смотрел на окружающую природу – было не до того. Но, получив кое-какие навыки копновоза, стал спокойнее и мог уже посмотреть вокруг.

Солнце опускалось к самому горизонту и своим краем ушло за стоящую впереди

рощу. Разливался закат. Сначала он был ярко-жёлтым, постепенно меняя цвет на розовый, потом пурпурный. Становилось темнее и темнее. Ветра не было. Природа словно замерла, даже птички, гнездившиеся на деревьях, перекликались всё реже. То затихнут, то, как бы ссорясь, пискнут с новой силой и опять затихают.

Где-то совсем рядом кричали перепёлки. По мере того как природа замирала, их резкий пересвист становился звонче и звонче: «Фить-пирю! Фить-пирю!» Постепенно замерли и они. Природа засыпала. На горизонте ещё недолго светилась узкая полоска заката. Но вот и она исчезла – всё вокруг погрузилось во тьму.

Я подвёз к стогу последнюю копну. Осталось завершить стог. Для этого мать поднялась на него и граблями укладывала подаваемое отцом сено так, чтобы вершина приняла форму конуса. Тогда осенние дожди не проникнут внутрь, а будут стекать вниз. В противном случае сено в стоге сопреет и придёт в негодность.

Отец отвязал верёвку от шорки, снял шорку с быка, перебросил верёвку через стог, натянул, и мама взобралась по ней наверх, обошла круг, утапывая сено. Я ещё сидел на Потапе, подбиравшем клочки сена из-под ног с земли. Отец предложил маме отправить меня в деревню на быке. Дескать, пока он довезёт меня, они закончат работу и догонят нас. Мама согласилась, и мы с Потапом отправились в обратный путь. Тьма быстро наступала со всех сторон, и я уже не мог разглядеть дороги, однако бык шёл уверенно.

С той стороны, где остались родители, послышалась песня. Это пела мама звонким грудным красивым голосом:

Позарастали стёжки-дорожки,
Где проходили милого ножки.
Позарастали мохом-травой,
Где мы гуляли, милый, с тобою...

Пройдя метров пятьсот, бык вдруг поднял голову, пошевелил ушами, как бы прислушиваясь, засопел носом, глубоко вздохнул и прибавил шаг. Я обрадовался такой резвости. До огородов оставалось ещё несколько сот метров. С правой стороны должно быть Моховое озеро, но в темноте я ничего не увидел. А бык вдруг остановился, повернув голову в сторону озера. В чём дело, я и не понял вначале, но услышал словно бы шарканье ног по полу и какие-то вздохи. На берегу озера отдыхало стадо колхозных коров. Одни лежали на траве, пережевывая жвачку, другие стояли, повернув головы в мою сторону. Интересовал их, конечно, не я, а Потап. Вот он и пошёл к стаду. Как я ни старался, натягивая изо всех сил повод обеими руками, бык не слушался. Он просто встал и категорически отказывался двигаться к деревне. Про-

работавшего весь день и весь вечер, его тянуло на отдых, в стадо! Я же заставлял его уйти от родного стада куда-то в темноту и неизвестность. Прошло две-три минуты, быку надоело моё упрямство и нежелание понять его, Потапа! И тогда он повернул голову, аккуратно рогом зацепил меня и столкнул со своей спины. Я шлёпнулся на землю, не ушибся, но заревел от обиды, что не смог справиться с быком.

Потап пошёл к стаду, как я теперь понимаю, в свою семью, домой. Пришлось мне тоже повернуть и пойти навстречу родителям. Увидев меня, они удивились. Всклипывая, я объяснил, что меня сбросил бык, а сам ушёл в стадо. Отец сказал: «Ну и отпустил бы его, ему ведь тоже отдыхать надо». Отец ушёл к стаду и снял с Потапа уздечку. На меня навалилась усталость, клонило ко сну. В избе я сразу же залез на печку и через минуту уже крепко спал.

ГЛАВА 12 ВРАЖДА

Лето – раздолье для детей, а для деревенских особенно.

Каждый божий день собираемся ватагами, придумывая игры. Подальше от глаз взрослых, потому что наши шалости не всегда им нравились. Мы уходили на скотные дворы, к колхозным амбарам, на зерноток, а то и вовсе в поле, в Морозову рощу или купаться в Моховом озере. Конечно, были и несчастные случаи. В нашей компании заводилами были Сашка Шуньков и Сашка Гончаров, росшие без отцов и потому отчаянные, неуправляемые.

Особенно отличался первый, он не просто верховодил, но стремился подчинить, чтобы все выполняли его требования. Как правило, его проделки заканчивались неприятностью. Недалеко от скотного двора стояла старая, уже не используемая соломорезка. Когда-то она измельчала солому для запаривания корма скоту. Похожа она была на огромную мясорубку или вентилятор с ножами. Вместо решётки были расходящиеся от центра металлические пластины. Солома подавалась сверху через огромную воронку, попадала между ножами и пластиной и, как ножницами, резалась на мелкие кусочки. Привод был ручной.

Мы, раскрутив маховик, подкладывали под нож либо прутья, либо бросали в воронку пучки соломы. Интересно было смотреть, с какой лёгкостью рубят ножи прутья толщиной в палец и выбрасывают крошку через квадратное отверстие. Раскрученный маховик ещё долго вращался, гудел, как огромный вентилятор, постепенно замирая.

В тот раз Гончаров решил залезть на самый верх. Взявшись за режущую пластину рукой, стал подтягиваться. В этот момент Шуньков крутанул маховик. Ножи провернулись и, как ножницами, отрезали первые фаланги пальцев Гончарова. От боли тот дико закричал, зажав повреждённые фаланги другой рукой. Кровь густо падала на землю. Мы все оцепенели от ужаса. Лишь через несколько секунд кто-то предложил бежать в медпункт. Мне запомнилось, что тот, по вине которого всё это произошло, не помог нести Гончарова, даже не подошёл к нему, а постояв, ушёл домой. Впрочем, убедиться в его жестокости мне пришлось ещё раз. А рука Гончарова осталась покалеченной на всю жизнь.

Однажды Шуньков, уже куривший наравне со взрослыми, потребовал, чтобы я украл у отца пачку папирос. Я наотрез отказался, зная, какие последствия ждут меня. Такое неповиновение было равносильно бунту на корабле и требовало безжалостного наказания. Недалеко от кузницы лежали металлические бороны, одна из них была зубьями вверх. Шуньков как бы непреднамеренно подвёл нашу ватагу к боронам и начал угрожать мне расправой заслушание. Одной рукой он схватил меня за грудки, подталкивая к лежащей вверх зубьями бороне. Я отступал от него спиной и её не видел. Упав я на зубья, неизвестно, какие бы последствия ожидали меня. Каким-то шестым чувством я почувствовал смертельную опасность, то ли в последний момент перед его сильным толчком ощутил ногой зубья, но, падая, сумел мгновенно выбросить руки за спину, чтобы не упасть всем телом. Оперся руками о землю – как будто присел над бороной. Но рука всё же попала на торчащий зуб. Резкая боль обожгла запястье. Развернувшись, я сначала сел на колени, а затем быстро отполз от злосчастной бороны. Ребята застыли от страха. Увидев кровь, я кинулся домой. Мама промыла рану, приложила к ней лист лопуха и туго перевязала тряпкой. Недели через две рана затянулась, и я вновь бегал с ребятами. Шуньков вёл себя как ни в чём не бывало и по-прежнему, пользуясь возрастом, верховодил. Я пытался отговорить товарищей от общения с ним. Конечно, он узнал об этом и, чтобы укрепить свой авторитет, решил избить меня.

Однако драки не получилось. Я подобрал с земли толстую палку и стал в оборону. Мой враг несколько раз пытался налететь с кулаками, но, встречая отпор, отступал. Тогда в мой адрес полетели угрозы: он обещал подловить меня и убить. Я в ответ, конечно, тоже пообещал, что вырасту и сам избью его до смерти.